



ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ¹

История Белоруссии еще далеко не изучена. Целый ряд важнейших проблем и вопросов еще не подвергался исследованию в марксистской исторической науке.

Белорусский народ, как и остальные народы Союза, должен знать свою историю. Он должен знать, как в долгой, тяжелой и упорной борьбе против многовекового феодально-крепостнического рабства, капиталистической эксплуатации и постоянного национально-колониального гнета трудящиеся Советской Белоруссии вместе с остальными трудящимися прежней царской России добились своего освобождения от всех и всяческих эксплуататоров, обрели свою советскую государственность и вместе с народами великого Советского Союза стали, под руководством партии Ленина—Сталина, активными строителями коммунизма.

Изучение истории белорусского народа, как и других народов Союза, должно начинаться с самых древнейших времен. Без освещения вопросов самого отдаленного прошлого нельзя изучить средневековье, невозможно понять борьбу общественных классов и их идеологию в феодально-крепостническую, а отчасти даже и в капиталистическую эпоху. Это положение, имеющее силу по отношению к истории любого народа, в особенности актуально по отношению к истории белорусского народа.

Подлинно научного изучения истории Белоруссии до советской эпохи не существовало. Напрасно мы будем искать в дворянской и буржуазной историографии работ, которые пытались бы дать объективное изложение истории белорусского народа. Правда, и русские великодержавники и польские и белорусские националисты много писали об истории Белоруссии. Но все они освещали вопросы истории Белоруссии, исходя из своих интересов, выполняя социальный заказ своего класса. Если русские великодержавники не признавали за белорусами даже права называться народом и вовсе отрицали историю белорусского народа, если польские шовинисты рассматривали и продолжают рассматривать белорусские земли, как «вотчину великой Польши», то белорусские контрреволюционные националисты, стремившиеся в послеоктябрьский период занять руководящее положение на белорусском историческом фронте, подчиняли изучение прошлого Белоруссии задачам борьбы против советской власти,

¹ Статья составлена группой сотрудников Института истории Академии наук БССР под редакцией акад. Н. М. Никольского.

задачам реставрации в БССР капитализма и отрыва ее от СССР, блокируясь в этой борьбе и с русскими великодержавниками и с польскими фашистами. Белорусские буржуазные националисты совместно с матерыми шпионами и агентами фашистских государств, пролезая на ответственные участки советских научно-исследовательских и учебных учреждений БССР, самым беззастенчивым образом занимались фальсификацией истории Белоруссии. Все эти, ныне разоблаченные и уничтоженные враги народа фальсифицировали историю древности и средних веков, создавая легенды о «золотом веке» Белоруссии в прошлом, когда в действительности крестьянские массы и городские низы несли тягчайшее ярмо крепостного рабства. Не в меньшей степени фальсифицировали они и период капитализма. Они развивали теорию «самобытности» исторического развития Белоруссии, говорили о бесклассовости белорусского народа. Рука об руку с белорусскими буржуазными националистами шли еврейские националисты-бундовцы и контрреволюционные троцкисты. Они извращали историю рабочего класса, историю партии и историю революционного движения в Белоруссии и протаскивали антиленинские установки в истории аграрного и крестьянского вопроса.

Одним из участков вредительской работы контрреволюционных «историков» и «этнографов» являлся и древний период истории Белоруссии. Они измышляли фашистские «теории» о «расовой чистоте» племени, составивших белорусский народ, о происхождении белоруссов от каких-то никогда не существовавших легендарных «вологов», о якобы самостоятельной государственной жизни белорусского народа в IX—XIII вв. Политический смысл этих теорий заключался в том, чтобы доказать, что история белорусского народа не имеет ничего общего с историей русского народа.

Отсюда понятно, какая большая и ответственная задача ложится на работников исторического фронта БССР. Это—задача ликвидации вредительства в исторической науке и постановка изучения исторического прошлого Белоруссии на подлинно-научные рельсы марксистско-ленинской исторической методологии.

Лишь в последние годы исследовательские учреждения БССР, в частности Институт истории Академии наук, приступили к этой работе. Исходным моментом марксистско-ленинского изучения истории БССР они поставили задачу по освоению исторических источников путем опубликования богатейшего фонда документов и материалов по истории Белоруссии. Институтом истории издано уже несколько томов таких документов по средней и новой истории. Работа в этом направлении продолжается и будет вестись и дальше еще более энергичными темпами. Параллельно ведется работа по составлению первого марксистского очерка истории Белоруссии от древнейших времен и до наших дней победного шествия социализма под знаменем Сталинской Конституции. В связи с работой над очерком истории Белоруссии ведется попутное изучение ряда отдельных проблем, в том числе и по древней истории Белоруссии.

К числу важнейших проблем древней истории Белоруссии, в порядке их важности и актуальности, необходимо, на наш взгляд, отнести следующие:

1) изучение последней стадии доклассового общества, совпадающей с процессом разложения родового строя и образования в его недрах общественных классов;

2) возникновение территориальной (соседской) земледельческой общины и борьба ее с выделившейся из родового общества господствующей верхушкой;

3) ранние феодальные объединения на территории Белоруссии (Полоцкое, Турово-Пинское княжества) в период Киевского государства (XI—XIII вв.);

4) идеология на последней стадии доклассового общества и на ранней ступени феодального общества.

Разумеется, означенные проблемы вовсе не исчерпывают круга вопросов древней истории Белоруссии. Но они нам представляются стержневыми проблемами, постановка и разрешение которых необходимы для уяснения исходных пунктов как общего процесса исторического развития Белоруссии в последующие эпохи, так и некоторых отдельных составных элементов этого процесса. Марксистская историческая наука обладает достаточными средствами и данными для правильной постановки и разрешения этих проблем.

Вот некоторые замечания по первому пункту.

Историческое развитие Белоруссии, как и преобладающего большинства европейских стран, характерно тем, что классовое общество и государство сложились на ее территории в форме феодальной общественно-экономической формации, а не рабовладельческой. Существовавшие здесь первобытные формы рабства не получили развития по направлению к формированию рабовладельческой общественно-экономической формации; здесь имел место «основной факт—переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству» (Ленин, О государстве, т. XXIV, стр. 367). Однако нужно отметить, что элементы рабовладения («невольная челядь») на общем фоне феодально-крепостнических отношений сохранились здесь еще довольно долго, вплоть до XV—XVI вв. Об этом свидетельствует ряд государственных актов Великого княжества Литовского, в подчинении у которого находилась в этот период Белоруссия.

Проследить, как и каким путем родовая общинная собственность превратилась в феодальную, а свободный общинник и раб-челядинец—в феодально зависимого крестьянина, нельзя без внимательного рассмотрения тех общественных отношений, которые имели место среди славянского населения, жившего на территории Белоруссии еще до варяжских завоеваний, до образования «империи Рюриковичей». Судя по данным дошедших до нас начальных летописей, договоров с Византией и древнейшей редакции «Русской Правды», появившихся в период Киевского государства, варяги уже не застали ни в Новгороде, ни в Киевской Руси родовой строй в его целостном виде. Не застали варяги этот строй и на территории Белоруссии, куда они могли проникнуть из-за Балтийского моря по Западной Двине. Наличие у славянских племен Восточной Европы своих местных князей (у древлян—князь Мал), несмотря на известную патриархальность в отношениях между князем и племенем, свидетельствует все же о том, что родовой строй доклассовой эпохи, эта,—по словам Энгельса, «удивительная организация во всем ее младенчестве и простоте»,—уже фактически перестал существовать. Славянские местные князья, по крайней мере, в период варяжских завоеваний, являлись уже не прежними родовыми старейшинами, не слугами общества, а были тем элементом в обществе, который стремился это общество подчинить себе, становился над этим обществом. Вот почему древнейшие исторические источники, дошедшие до нас со времени Киевского государства, зафиксировали только некоторые,

правда, еще довольно значительные, пережитки родовых отношений у восточных славян.

Конечно, на основании только этих источников мы не можем изучить все специфические черты родового строя у славян на стадии его разложения, т. е. в период, непосредственно предшествовавший варяжским завоеваниям. Тут необходимо привлечь дополнительный материал, в первую очередь—археологический, а также и этнографический.

БССР богата археологическими памятниками, выявленными в преобладающем большинстве в советскую эпоху. В Советской Белоруссии открыто несколько палеолитических стоянок, ранее вовсе неизвестных. Неолит, который до революции был известен в Белоруссии в виде единичных стоянок, в настоящее время представлен сотнями вновь выявленных стоянок. Таким образом, археологический материал дает возможность вплотную подойти к изучению истории первобытно-коммунистического общества на территории Белоруссии.

Начало изучению истории четвертичного человека на территории БССР было положено только после революции. Достигнутые результаты являются весьма важным успехом советской археологии, и на них следует остановиться подробнее.

Первая стоянка палеолита в БССР была найдена в 1926 г. около дер. Бердыжа (б. Гомельский округ), на р. Соже (К. М. Поликарпович). К 1929 г. относится находка стоянки в Юровичах, б. Мозырского окр., на р. Припяти (К. М. Поликарпович). В этом же году были сделаны находки в деревне Клеевичах, б. Могилевского окр., на р. Беседи, которые предположительно можно рассматривать, как палеолитические.

Все перечисленные стоянки были обнаружены в результате систематических поисков и разведок, проведенных на протяжении ряда лет по Верхнему Днепру и рекам его водосбора—Припяти, Сожу, Беседи, Ипути. Разведки были увязаны с исследованием мест находок остатков четвертичной фауны. Таких мест в БССР известно более 130; из них обследовано около 35 пунктов.

Остатков, бесспорно отвечающих времени нижнего палеолита, в БССР еще не найдено. Предположительно может быть отнесено к нижнему палеолиту одно орудие типа мустьерского «заостренного скребла», найденное на р. Беседи, около м. Светиловичи. Можно далее предполагать, что к памятникам нижнего палеолита относятся находки в д. Клеевичах, б. Могилевского окр. Здесь, в нижнем горизонте риссвюрмских песков над мореной рисского возраста были встречены, вместе с весьма немногочисленными остатками мамонта и лошади, кремни с ретушью. Однако нельзя с определенностью сказать, нанесена ли эта ретушь рукой человека или произошла под влиянием чисто механических причин.

Верхний палеолит на территории БССР известен пока в двух местах. Первое местонахождение, верхнеориньякская стоянка у дер. Бердыжа, раскапывалось несколькими экспедициями б. Института белорусской культуры и Академии наук БССР в 1926—1929 гг. Исследованная до сих пор площадь стоянки достигает 120 кв. м. Это весьма важное местонахождение и до настоящего времени не может считаться достаточно изученным. Раскапывался все время, по условиям залегания стоянки, не центр ее, а периферия, с большими скоплениями костных остатков и незначительным количеством кремневых орудий и обломков, при полном отсутствии каких-либо изделий из кости.

Фауна стоянки представлена 7 видами. Среди них первое место занимает мамонт, 35 экземпляров. Кроме мамонта, здесь найдены остатки лошади, быка, зубра, бурого медведя, песца, волка и суслика.

Инвентарь стоянки характеризуется, главным образом, наконечниками с выемкой. Орудий и кремневых отбросов здесь встречено, в сравнении с большим количеством остеологического материала, немного. Производство орудий имело место здесь же, на стоянке. Это доказывается значительным количеством кремневых жезлаков, нуклеусов и мелких кремневых отщепков и чешуек. Орудия Бердыжской стоянки аналогичны по своему характеру соответствующим находкам Боршева 1 и Гагарина (Дон) и лёссовых стоянок Моравии (Пшедмост) и Австралии (Виллендорф).

Другое местонахождение, Юровицкая стоянка, раскапывалось в 1929 и 1931 гг. Эта стоянка гораздо беднее материалом. Фауна представлена пока только мамонтом (15—20 экз.) и лошастью. Из инвентаря два года раскопок доставили на 40 исследованных квадратных метров всего около 30 экземпляров кремня. Почти единственной формой орудия, которая до сих пор здесь встречена, является острие типа La Gravette. Была найдена также одна пластинка с оббитым краем. Стоянка относится, по видимому, к нижнемадленской эпохе.

Эпипалеолит на территории БССР, как, впрочем, и во всей Восточной Европе, до революции почти не исследовался. В БССР исследования его начались с 1924 г. в б. Гомельском окр., попутно с разведками в районах рр. Днепра, Припяти, Сожа и др. Исследования ограничивались, главным образом, сбором подъемного материала на стоянках.

Характерную черту кремневого инвентаря более ранних из этих стоянок представляют наконечники стрел со стерженьком (типа Fort Robert), затем нередко резцы, скребки на конце узких пластинок и скребки высокой формы.

По инвентарю эти стоянки стоят близко к стоянкам Северной Украины, непосредственным продолжением которых они являются. На западе они граничат с подобными же стоянками Виленщины и Понеманья. Последние, в свою очередь, напоминают по своему характеру как стоянки Польши, где наиболее старую культуру с таким инвентарем представляют свидерские (или хвалибеговичские) находки, так и стоянки Южной и Юго-западной Прибалтики («культура Lungby»).

Памятники типа тарденуаз представлены в БССР поверхностными подъемными находками на рр. Днепре (редко), Припяти и Соже. Характерными особенностями инвентаря стоянок эпохи тарденуаз БССР являются микролитичность кремневых изделий, присутствие трапециевидных форм наконечников стрел и небольших остриев в виде пластинок с оббитым краем. Любопытно, что некоторые типы инвентаря тарденуазских стоянок встречаются и в неолите БССР, уже вместе с керамикой.

Распространяясь на юге на Украине, на севере тарденуазские стоянки имеют свою границу, поскольку на основании наличных материалов ее можно определить, приблизительно, на линии, которая идет от Брянска на северо-запад через Чериков на р. Соже и м. Новый Быхов на Днепре к р. Друти, направляясь далее на запад в Виленщину.

Памятники типа к а м п и н ь и, которые стоят уже на границе эпипалеолита и неолита («протонеолит»), выявлены лучше всего на Соже, где обнаружены стоянки этого типа. Здесь встречены такие характерные формы, как овальный п и к, в одном случае т р а н ь ш е, наконец, грубые резцы. Подобные находки обнаружены на Среднем Соже около Чечерска

и особенно около г. Черикова. Овальный пик известен и в одной находке с Днепра (Новый Быхов). В последнее время памятники типа кампиньи были обнаружены на Верхнем Днестре (ряд месторождений в Западной области и в верховьях Западной Двины). На запад от БССР они хорошо представлены в Виленщине, на юг—в Волини.

Таким образом, изучение палеолита и эпилеполита БССР, несмотря на достигнутые в последние годы успехи, все еще находится на стадии накопления фактического материала. Однако и по имеющимся уже фрагментарным данным можно прийти к некоторым заключениям о процессе заселения территории Белоруссии и о развитии на этой территории древнейших стадий первобытно-коммунистического общества.

Обнаруживается, что человек появился на территории БССР не позднее, чем в позднеледниковое (последевюрмское) время в результате весьма длительного процесса расселения на громадных пространствах, которые постепенно выходили из сферы непосредственного влияния ледника и заселялись соответствующей флорой и фауной. По мере отступления ледника на север и постепенного потепления климата, что совершалось весьма медленно, на протяжении тысячелетий, шло такое же медленное, для небольшого отрезка времени мало приметное, заселение человеком новой территории. Объяснение тех перемен и различий, которые нашли свое отражение в памятниках палеолита и эпилеполита, нужно искать в условиях материального производства первобытно-коммунистического общества этих эпох. Освоение вновь занимаемых территорий, богатых реками, последующее надвигание лесов, приспособление к новым хозяйственным условиям—все это не могло не способствовать изменению облика культуры общества палеолитической эпохи.

Что касается эпохи неолита, то она представлена громадным количеством местонахождений (около 800), выявленных, главным образом, в южной половине БССР, по рр. Днестру, Сожу, Припяти, Березине и др. Более ранние из этих местонахождений характеризуются частично шлифованными каменными орудиями и керамикой с гребенчатым орнаментом. В более позднее время, которое можно условно назвать, по аналогии с ближайшими территориями, бронзовым веком, широкое распространение получают целиком шлифованные каменные орудия (например, типа фатьяновских), в керамике—шнуровые и линейные элементы².

Неолитические стоянки дают материалы, главным образом, для характеристики эпохи родового общества. Ранние неолитические стоянки происходят из эпохи материнских родов; поздние стоянки относятся к патриархальному периоду. Для древней истории в Белоруссии в собственном смысле этого слова основной археологический материал дают раскопки городищ и селищ, относящихся к периоду около начала и к первым векам н. э., когда происходит разложение родового строя, появление имущественного неравенства и возникновение классов.

На территории Белоруссии обнаружено до сих пор уже свыше 80 городищ, из которых подавляющая часть относится к периоду разложения родового строя, а остальные—к эпохе раннего феодализма. К сожалению, пока произведены раскопки только около десятка городищ и разведано около 100 городищ, и потому собранный материал еще нельзя признать

² Главнейшая литература по каменному веку в БССР указана в списке (41 назв.) при работе К. М. Поликарповича «Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья» (Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V, Лгр. 1934, стр. 75—87).

достаточным для разработки истории разложения родового строя в полном объеме.

Разведки и раскопки городищ эпохи разложения рода обнаруживают пока следующие характерные черты. Как всегда, городища расположены на берегах рек, обнесены валом и тыном, остатки которого обнаружены в ряде мест. Внутренняя селищная площадь городищ невелика—от 1 000 до 2 000 кв. м. Отсюда можно заключить, что городища были укрепленными центрами родовых общин. В этом отношении городища эпохи разложения рода редко отличаются от позднейших городищ IX—X вв., которые имеют площадь до 1 га и опоясаны сильными укреплениями. От построек внутри городищ встречаются обугленные остатки дерева, всегда есть остатки каменных очагов. Инвентарь, кроме каменных зернотерок, железный. Железо выплавлялось тут же, на склонах городищ, в глиняных плавильных печах, из местной болотной руды. Целый ряд остатков свидетельствует о том, что в производстве основное место занимало земледелие. В Банцеровском городище найдены зерна проса, занимающего первое место, затем зерна пшеницы и гороха; ржаные зерна не попадались. Из земледельческих орудий в городищах найдены железные серпы, косы, а также уже упомянутые каменные зернотерки. Из других орудий встречаются железные топоры. Из домашних животных обнаружены кости быков (коров), лошадей, овец, коз, собак. Однако остатки показывают, что продолжает играть значительную роль и охота. Об этом свидетельствует значительное количество костей диких животных—лося, медведя, бобра, а также болотных и других птиц.

Эти результаты раскопок неолитических стоянок и городищ первых веков н. э. показывают, что перспективы археологического исследования для реконструкции родового строя и процесса его разложения в Белоруссии вполне благоприятны. Дальнейшие раскопки, несомненно, дадут новый богатый материал, который заполнит все имеющиеся сейчас пробелы. Этот археологический материал должен быть дополнен тем материалом, какой мы можем извлечь из целого ряда пережитков родового строя, сохранившихся в белорусском фольклоре и в старом крестьянском обычном праве. Особенно важны с этой стороны обряды и обычаи, связанные с семейным бытом,—свадебные и похоронные; обряды и обычаи, связанные с рождением; обычаи, регулирующие взаимоотношения между отцом и членами семьи—женой и детьми. Эти обряды и обычаи записывались в XIX в. и в начале XX в.; в той форме, в какой они были записаны, в них обнаруживается ряд наслоений различных эпох. Посредством критического анализа, исходящего из марксистских положений по истории семьи и рода, вполне возможно с достаточной точностью выделить из этих обрядов их наиболее древнюю основу. Тогда выступят черты материнского права, вслед за ними пойдут богато сохранившиеся пережитки отцовского права. Материалы этой последней категории записаны и переданы в очень значительном количестве Шейном, Бессоновым, Романовым и другими прежними этнографами; кроме того, значительные записи имеются в архиве секции этнографии Академии наук БССР. Однако к указанной критической обработке этих материалов еще почти не приступлено. Можно указать только работу Владимирского-Буданова «Черты семейного права Западной России в половине XVI в.»³, в которой описано и комментировано обычное украинское и белорусское семейное право, в том числе тра-

³ В «Чтениях в Истор. обществе Нестора Летописца» т. IV, 1890.

диционные формы брака без церковного венчания и обычаи гражданского развода по инициативе жены (белор. «прочки и разлучины»), восходящие в своей основе еще к эпохе материнских родов.

Кроме того, необходимо привлечь также материал обычного права, связанного с производством. Последнее тоже сохраняет остатки первобытных коммунистических отношений; например, так называемая т о л о к а является несомненно остатком коллективной формы обработки земли родовой эпохи. Предварительная разведка с этой целью фольклорного материала обнаруживает также следы родовой коллективной организации всех основных земледельческих работ и приемов животноводства. Кроме исследований наличного материала, тут необходимо произвести дополнительное собирание материала, ибо дореволюционные собиратели этой областью очень мало интересовались.

Второй, не менее актуальной и важной проблемой, имеющей самую тесную связь с рассмотренной выше проблемой разложения рода, является вопрос о земледельческой (сельской, соседской) общине. Сельская община выросла из родовой общины, когда в последней появилось после распада крупной патриархальной родовой семьи мелкое индивидуальное хозяйство (хозяйство небольшой моногамной семьи), возникло имущественное неравенство и зарождались классовые отношения. Эта земледельческая, или «сельская», община, которая, по словам Маркса, «повсюду представляет с о б о ю с а м ы й н о в ы й т и п общины и, так сказать, последнее слово архаической общественной формации», являлась одновременно «переходной фазой к вторичной формации», к обществам, «покоящимся на рабстве и крепостничестве» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 694—695). Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивают ту огромную историческую роль, какую обычно играла община в Европе как в период формирования феодального общества, так и в процессе исторического существования феодализма на последовательных этапах его развития. Так, например, говоря о значении германской общины—марки, Энгельс подчеркивал, что варвары «по меньшей мере, в трех важнейших странах, Германии, Северной Франции и Англии, сумели сберечь в феодальном государстве осколок настоящего родового строя в форме сельских общин (марка) и тем самым дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплоченность и средства к сопротивлению, каких в готовом виде не нашли ни древние рабы, ни современные пролетарии...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1-я, стр. 132—133).

Встречающиеся в «Русских Правдах» термины «вервь» и «мир» свидетельствуют с полной очевидностью о наличии у славянского населения, входившего в состав Киевского государства, в том числе и у населения теперешней Белоруссии, сельской общины—марки. Труды Маркса и Энгельса дают ценнейшие методологические указания в вопросе об общине, об этапах ее развития, о происхождении сельской общины из общины более архаического типа, о характерных чертах и судьбах земледельческой общины. Этими указаниями мы и должны руководствоваться при реконструкции сельской общины на территории Белоруссии в IX—X вв. н. э. Проследившая дальнейшие судьбы крестьянской общины уже в пределах феодального государства, мы должны выяснить, как и в какой степени она на территории Белоруссии играла роль организующего средства в борьбе угнетенных крестьянских масс против гнета крепостников-помещиков.

Акты Великого княжества Литовского дают по этому вопросу чрезвычайно ценный материал («копа», «копные суды», «громада»). Крестьянскую общину стремилась разрушить и разрушала фискальная политика феодального государства. Господствующий класс—князья, паны, шляхта—чувствовал, что общинная организация придает борьбе поработанных крестьянских масс против феодально-крепостнического гнета огромную силу сопротивляемости. Крепостники предпринимали все средства, чтобы сломить общину или приспособить к своим целям. Волочная земельная помера, проведенная на территории Белоруссии и Литвы в XVI в., в основном была направлена против общинной организации крестьянства. Наконец, важность изучения крестьянской общины подчеркивается также необходимостью разоблачения фальсификаторских концепций контрреволюционных националистов, отрицавших существование крестьянской общины в Белоруссии.

Задача реконструкции сельской общины IX—X вв. может быть, несомненно, разрешена, так как, кроме указанного летописного и юридического документального материала, для этой цели может быть использован также фольклорный и этнографический материал и записи старого обычного права, а в известной степени, для характеристики техники общинного хозяйства, также и археологический материал. Этнографический материал позволяет реконструировать некоторые производственные моменты, например, соединение в древних сельских общинах земледелия с домашней промышленностью. Фольклор и обычное право содержат целый ряд пережиточных элементов, восходящих к древней эпохе и позволяющих приподнять завесу над административной и производственной организацией общины в области земледелия и скотоводства. Работа эта только еще начинается и ведется в секции этнографии и фольклора Академии наук БССР. Приводится в известность и собирается материал; делаются первые попытки систематизации этого материала и реконструкции некоторых отдельных сторон древнего общинного быта.

Третья проблема, проблема истории ранних феодальных объединений, возникших на территории Белоруссии в XI—XIII вв., тоже еще не изучена. Имеющиеся монографии буржуазных исследователей о Полоцкой, Турово-Пинской, Смоленской землях (Данилевича, Голубовского, Грушевского и др.) ограничиваются в основном перечнем княжеских династий, подробным описанием политических интриг в княжеско-боярской среде. Хозяйственная жизнь областей, социальные отношения, классовая и политическая борьба, быт населения почти не отражены в буржуазной историографии. Совершенно неудовлетворительно, даже с точки зрения требований буржуазной науки, использованы такие важные исторические источники, как летописи и иностранные хроники. Археологический материал, которым оперировали дореволюционные буржуазные историки, не может идти ни в какое сравнение с обилием новых фактов, которые, как мы видели, в настоящее время стали достоянием исторической науки в результате новейшего открытия и изучения памятников материальной культуры раннего средневековья на территории Белоруссии.

Контрреволюционные националистические белорусские «историки», проводя свою антисоветскую изменническую линию в области истории раннефеодальной эпохи, пытались отрицать тот несомненный факт, что величайшее завоевание белорусского народа—государственность—является

результатом только Великой Октябрьской социалистической революции. В противовес этому положению они усматривали проявление «древней белорусской государственности» еще в удельных княжествах XII—XIII вв. (Полоцкое, Турово-Пинское, Минское, Друцкое и т. д.). Образовавшиеся в XIV в. Великое княжество Литовское националисты характеризовали в качестве якобы «федеративного» княжества и дали ему название «Литовско-Белорусского государства». Эта фальсификация проделывалась при вопиющем игнорировании действительных фактов, которые показывают, что в X—XII вв. удельные княжества, существовавшие на территории Белоруссии, находились в определенном подчинении Киевскому великокняжескому столу. Равным образом, лишь при помощи самой беззастенчивой подтасовки исторических фактов, к которой прибегали националисты, можно «открывать» существование белорусской государственности в эпоху средневековья, когда в действительности белорусский народ находился под гнетом литовско-польских феодалов, или, наконец, «отыскивать» элементы этой государственности в период польской Речи Посполитой, в составе которой Белоруссия находилась на положении угнетенной колонии. Энгельс в статье «Какое дело рабочему классу до Польши» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1-я, стр. 158), говоря о Великом княжестве Литовском, замечает: «Но уже с 1390 г. собственно Польша была объединена с Великим княжеством Литовским, которое составляло, до последнего раздела 1794 г., нераздельную часть Польской республики». Исторические источники, при их внимательном рассмотрении, целиком подтверждают это положение Энгельса и не дают никаких данных о существовании белорусской государственности в дооктябрьский период.

Из советских историков проблеме феодальных отношений в Киевском государстве посвятил монографию акад. Греков. Но работа акад. Грекова ставит вопрос в общем масштабе и не дает специального рассмотрения феодальных отношений в белорусских землях.

Отсюда вполне понятна важность марксистского освещения и специального изучения исторического развития Белоруссии в период Киевского государства. Внимательный анализ летописных сведений и иностранных хроник, дополненный богатыми, еще до сих пор не использованными археологическими материалами, даст возможность воссоздать более или менее полную картину раннего средневековья Белоруссии.

Четвертая проблема—это проблема идеологии на последней стадии первобытно-коммунистического общества и на раннефеодальном этапе истории Белоруссии. Изучение идеологий на разных этапах общественно-экономической истории и классовой борьбы является вообще одной из самых важных задач марксистской исторической науки. Дело здесь не только в том, чтобы на конкретном материале показать и доказать, что «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» («Нем. идеол.», 1924, стр. 17). Дело еще заключается в том, что идеологии всякого рода, будучи продуктами реальной жизни, в свою очередь, «оказывают обратное влияние на все общественное развитие, даже на экономическое» (Энгельс к Конраду Шмидту 27 окт. 1890 г., см. Письма М.—Э., под ред. Адоратского, изд. 2-е, стр. 312). Таким влиянием в докапиталистическую эпоху больше всего пользовалась религия; так, по выражению Энгельса, в средние века «всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать религиозную форму» (Энгельс, Люд. Фейербах, изд. 2-е, стр. 76). Религия, как «один из видов духовного гнета» (Ленин, Соч., т. VIII,

стр. 419), господствует над сознанием человека и его деятельностью еще в эпоху первобытно-коммунистического общества, когда в религиозных образах, созданных человеком, отражаются господствующие над людьми силы природы. С переходом к классовому обществу к силам природы присоединяются непонятные и по видимости «сверхъестественные» общественные силы; тогда фантастические образы сил природы «приобретают общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил» («Анти-Дюринг», изд. 6-е, стр. 229—230). Также уже в раннефеодальную эпоху к «доисторическому содержанию» религии присоединяются верования и культы классового общества, создаются так называемые исторические религии, в образовании которых весьма видную роль играл «сознательный поповский обман» (М. и Э., Соч., т. XV, стр. 602). Таким путем сложилось церковное христианство и все его средневековые разновидности, которые во всей средневековой Европе играли огромную, временами руководящую роль во всей общественно-политической жизни и не утратили своего влияния в буржуазных странах до наших дней.

В истории Белоруссии религиозные моменты играли огромную роль в быту белорусского крестьянства и трудящейся еврейской бедноты. Тяжелое положение угнетенных трудящихся создавало благоприятную обстановку для распространения религиозного дурмана, которым охватывали сознание масс эксплуататорские классы и их церковные агенты. Поэтому неудивительно, что этнографические и фольклорные памятники дают богатый материал для характеристики религиозной идеологии и религиозного быта. В этом материале сохранился целый ряд элементов «доисторического содержания» в верованиях белорусского народа. Таким образом, в нашем распоряжении имеется достаточный и весьма ценный материал для разрешения проблемы ранней идеологии.

В области изучения этой проблемы секция этнографии и фольклора Академии наук БССР ведет большую работу и дала уже две небольшие специальные монографии акад. Н. М. Никольского. В первой монографии—«Міфалогія і абрадовасць валочобных песень»—реконструируется весенний магический цикл, связанный с посевом и восходящий к родовой эпохе, и выясняются связанные с этим циклом мифы. Вторая работа—«Жывелы ў звычайх, вераннях і абрадах беларускага сялянства», исходящая из положения Энгельса: «сначала свято то, что мы переняли из животного царства, з'в е р и н о е», стремится вскрыть остатки «животного сознания природы» и «природной, естественной религии» и спуститься к дорелигиозному периоду и к первым истокам религии. Но этого еще недостаточно; необходимо изучить монографически и другие важные моменты, в особенности весь комплекс анимистических верований, и свести весь этот материал в одно целое.

Что касается религии раннефеодального периода, когда христианская религия, смешавшись с прежней религией белоруссов, приняла своеобразную синкретическую форму, то эта работа пока еще по-настоящему не начата. То, что сделано в этой области, относится, главным образом, к русским народным верованиям. Материал, имеющийся по отношению к белорусской религии феодального периода, частично выясненный в указанных работах, показывает, что синкретизм «доисторического содержания» и исторического христианства был здесь гораздо сложнее, поскольку, кроме православия, крестьянская масса испытывала также тяжелый гнет католицизма и испытала даже некоторое влияние еврейских народных

верований. Таким образом, работа над исследованием идеологии раннефеодального периода не вышла еще из стадии первоначальных разведок материала. Обработка еще вся впереди.

Таковы четыре основные проблемы древней истории Белоруссии. Совершенно понятно, что они должны быть разрешаемы в постоянном контакте с изучением соответствующих проблем древней истории других народов Союза. Сравнительное изучение тут должно оказать огромные услуги. Во главу угла должны быть поставлены руководящие установки Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. При неуклонном следовании путями марксистско-ленинской исторической методологии будет, несомненно, полностью обеспечено успешное разрешение этих важнейших и труднейших проблем.

